

Т.Н. Золотова

*Омск, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева*

РУССКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАЗДНИКИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1. Праздники и обряды в жизни человека. Регион Среднего Прииртышья

Праздник играет большую роль в формировании мировоззрения человека, воспитании и удовлетворении его эстетических и этических потребностей, в релаксации и восстановлении жизненных сил индивидуума, необходимых ему для дальнейшего существования. Но что такое праздник? Это день, особо отмечаемый в году, время отдыха и релаксации, веселья и ощущения полноты жизни. Праздник, возникший в глубокой древности, по определению великого русского философа М.М. Бахтина, является одной из «важнейших форм человеческой культуры» (Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1965). Праздник и в настоящее время продолжает выполнять многообразные функции: коммуникативную, регулятивную, эмоционально-психологическую, идеологическую, нравственно-воспитательную, компенсаторную.

Праздник – сложная система со своими подсистемами, состоящими из структурных элементов. Такими своеобразными подсистемами, вплетенными в структуру праздника, являются обряды и обычаи. Обычай – это стереотипизированная форма поведения, связанная с практической деятельностью человека (С.А. Арутюнов). Обряд – «это ... такая разновидность обычая, цель и смысл которой – выражение (по большей части символическое) некоей идеи, чувства, действия либо замена непосредственного воздействия на предмет воображаемым (символическим) воздействием» (С.А. Токарев). Обряды можно условно разделить на календарные, связанные с хозяйственной деятельностью человека и приуроченные к определенным датам календаря, и семейные, связанные с жизненным циклом человека. Календарные обряды на протяжении

длительной человеческой истории были призваны магическими актами воздействовать на силы природы с целью получения богатого урожая, приплода скота, обеспечения здоровья человека, благополучия социума. Они могли не иметь четко фиксированной даты (начало пахоты, сева, уборки урожая, первый выгон скота в поле и т.д.), могли быть окказиональными, т.е. связанными с какими-то чрезвычайными событиями (например, засухой, эпизоотией и т.д.).

Календарные обряды составляют основу традиционных календарных праздников, определявших состояние праздничной традиции на начало XX века. Общинный уклад способствовал консервации многих элементов традиционной культуры. Уже в конце XIX – начале XX века происходили определенные перемены – шли процессы трансформации этнической культуры, что было связано с модернизацией и индустриализацией общества. В деревне, являющейся средоточием культуры этноса, эти процессы происходили медленнее, чем в городе. Однако, и там некоторые архаические обряды в начале XX века стали исчезать, некоторые ритуалы превращались в игру, забывался магический смысл обрядов и они выполнялись чаще всего по традиции – «потому что деды наши так делали».

Решающий удар по традиционной обрядности нанесли Октябрьская революция 1917 года и последовавшие за ней индустриализация, коллективизация сельского хозяйства и культурная революция, ставившая своей главной целью борьбу с неграмотностью населения, под которой понималось не только неумение читать и писать, но и приверженность старым обычаям, соблюдение православных канонов и т.д. Исчезновение общинного уклада, модернизация орудий труда, антирелигиозная пропаганда, сопровождавшаяся закрытием церквей и преследованием верующих, привели к тому, что в 1930-е годы произошло значительное разрушение традиционной праздничной культуры, из которой одни обряды и обычаи исчезли совсем, другие – стали тайком отмечаться только в кругу семьи, третьи – трансформировались, сохранив лишь внешнюю атрибутику.

Каждый праздник отличался определенным своеобразием: определенными атрибутами, фольклорным сопровождением, набором блюд, особой одеждой. В то же время, календарные праздники имели немало общего: поминальные и умиловительные обряды, праздничное застолье, участие в общинных мероприятиях (молебнах, крестных ходах, уличных гуляниях, ярмарках). Праздник требовал к себе уважительного отношения и обязательного соблюдения всех традиций. «Хоть все заложи, да Масленицу проводи!» – говорили в народе. Не соблюдавшие традиций и работавшие в праздник люди подвергались всеобщему осуждению. В праздник, как никогда, в большей степени проявлялись такие характерные черты русского народа, как милосердие, щедрость и гостеприимство. Праздники способствовали укреплению родственных и дружественных связей. Они давали возможность общения и обмена информацией, возможность проявления творческих способностей и восстановления сил перед трудовыми буднями. Наконец, они являлись основными ориентирами во времени, поэтому соблюдение праздничных традиций способствовало нормальному существованию социума.

Праздничную культуру русского населения Западной Сибири мы будем рассматривать на примере Среднего Прииртышья, региона, расположенного по среднему течению реки Иртыш от Павлодара на юге до Тобольска на севере, с бассейном впадающих левых и правых притоков Иртыша – рек Омь, Тара, Уй, Ишим, Вагай, Тобол и другими. По современному территориальному делению этот регион включает Омскую область, юг Тюменской области (Абатский, Вагайский, Викуловский, Голышмановский, Заводоуковский, Исетский, Ишимский, Тобольский, Ялуторовский районы), Павлодарскую и Северо-Казахстанскую области, северо-восточную часть Курганской области (Белозерский, Варгашинский, Карагапольский, Кетовский, Макушинский, Лебяжьиинский, Петуховский, Частоозерский, Юргамышский районы).

Среднеиртышский регион интересен тем, что являлся главным форпостом при продвижении европейских переселенцев на восток и своеобразным котлом, в котором смешались различные этнические и культурно-исторические традиции. Нам представляется правомерной экстраполяция основных традиций народного праздничного календаря восточнославянского населения Среднеиртышского региона на остальную часть Западной Сибири (за исключением крайних северных областей), поскольку формирование населения и происходившие миграционные, демографические и этнокультурные процессы были идентичными на всей рассматриваемой территории. Это подтверждают материалы сравнительного характера, которые мы привлекали по Новосибирской, Томской, Кемеровской областям и Алтайскому краю. Русское население Среднего Прииртышья в географическом плане можно разделить на две большие группы – северную (население северной таежной и северной лесостепной зон) и южную (население южной лесостепной и степной зон), по времени проживания – на старожилов и поздних переселенцев (конца XIX – начала XX вв.), по сословной принадлежности – на крестьян, казачество, мещан, купцов, духовенство, служилых людей.

2. Зимние праздники: описание и семантика

ДЕНЬ СВЯТОГО НИКОЛАЯ, МИРЛИКИЙСКОГО ЧУДОТВОРЦА (6/19 декабря) открывал зимний праздничный календарь, так как это был первый наиболее значимый праздник в декабре. С этого времени зима вступала в свои права.

«Николай-угодник», «Никола Чудотворец», «Микола зимний» – так называли этот праздник в народе. Николай Чудотворец считался покровителем земледелия и скотоводства, путешественников, хозяином земных вод, заступником от всех бед и несчастий. Он был одним из самых почитаемых святых на Руси, поэтому и посвящены ему были в году два дня – 6 декабря и 8 мая («Никола зимний» и

«Никола вешний»). Иконы святого Николая имелись в каждом доме: считалось, что это приносит хозяевам удачу в делах и обилие скота. После торжественного церковного богослужения устраивались народные гуляния и ярмарки. В этот день семья относилась в церковь так называемый «приклад» – дары храму: вычесанный лен, пряжу, холсты, кашемировые шали и скот. У сибирских казаков этот день назывался «Царским днем Николая» и сопровождался проведением торжественного построения, военным парадом, джигитовкой и обильным застольем.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО (25 декабря/7 января). Дни зимнего солнцестояния ознаменовывались праздничным циклом Святков. Святки продолжались с Рождества до Крещенского Сочельника, то есть 12 дней. Эти дни были посвящены памяти рождения Христа и Крещения его в Иордане. Вечер накануне Рождества назывался «сочельником»: в этот день хозяйки готовили сочиво (или «кутью», кашу из зерен пшеницы с медовой сытой и ягодами) и сочни (раскатанное тонким слоем пресное тесто). С этими сочнями в течение святков гадали девушки. Потреблять пищу до первой звезды категорически запрещалось. Перед ужином под стол клали охапку сена, которую затем раздавали скотине, чтоб «никакой колдун не мог ее изурочить».

Повсеместно была распространена *традиция «славления»*. Дети, желавшие «славить», собирались с вечера в одном доме, чтоб с утра пораньше, еще затемно, отправиться по домам. «Славить» ходили все возрастные группы, но чаще – подростки 10–12 лет и старики-нищие. Чаще всего ходили со звездой (деревянной или вырезанной из бумаги) с зажженной внутри свечой, иногда вместо звезды носили на палке колесо, украшенное красной бумагой. Зайдя в дом, пели рождественский тропарь:

– Рождество твое, Христе боже наш!

Воссияй миру, свет разума...

На вопрос хозяев: «Зачем пришли?» – следовал ответ:

– Славите, славите,

Сами, люди, знаете,
Зачем пришел –
За пирогами, за сырчиком
За копеечкой, за сладким варенничком!

В некоторых местностях рождественский сочельник называли колядою и обряд славления называли «колядованием». Это было в тех селах, где жили вместе русские, украинцы и белорусы.

Того, кто первым из славельщиков или колядовщиков заходил в дом, сажали на тулуп, чтобы «овечки лучше велись», под шубу, «чтоб богатым был» или на порог, «чтоб куры хорошо парили». Славельщикам давали «жертву», то есть угощали «стряпней» (булочками, шанежками, печеньем, пряниками), конфетами, яйцами, блинами. Лучшим угощением в Сибири считались «сырчики» – замороженные шарики из творога со сметаной, сахаром, изюмом, взбитым яйцом. Детям давали и мелкие деньги («пяточки»), а взрослым подносили пива и водки.

НОВЫЙ ГОД или **ВАСИЛЬЕВ ДЕНЬ, ОБРЕЗАНИЕ ГОСПОДНЕ** (1/14 января). Встреча Нового года происходила в Васильев вечер, или в день святой Маланьи (31 декабря). Еще этот вечер называли «*щедрым*», поскольку в доме, украшенном ветками пихты и ели, столы ломились от яств: пирогов с рыбой и мясом, ватрушек, шанег (сырных, картофельных, морковных), пирожков с сушеными груздями, морковью, свеклой, кашей. Готовили также рулет с молотыми ягодами, каральки, печенье в виде животных – «козульки», «коровки», «фигурки» (с ними девушки выходил гадать на улицу), плюшки, картофельную запеканку, хворост, булки, заварные калачи, вафли, жарили рыбу, тушили мясо. Зажаривали целиком молоденького поросенка, начиненного рисом, украшая его бумажными цветами. Варили свиные ножки, любили зажарить и гуся, утку, курицу, которых начиняли рисом, картошкой с добавлением репчатого лука, чеснока, перца. Казачки, помимо этого, готовили галушки, затирки, окорока из мяса и сала, колбасу, курник, вареники с творогом, пельмени. На стол выставляли соленые сало, огурцы, арбузы, грузди.

К Новому году шили новое платье и дарили что-нибудь новое, особенно детям и девушкам – ленты, отрез на платье, рубашки и т.д.

Утром 1 января умывались «с серебра», то есть клали серебряные монетки в воду, чтобы быть «красивыми», «жгли старый год», разводя костер. Дети и взрослые ходили по домам «посевать». Разбрасывая в домах своих односельчан зерна овса, ячменя, пшеницы, гороха, осыпая ими иконы и возле ворот, приговаривали:

– Сею, сею, посеваю,
С Новым годом поздравляю!
Уроди, бог, пищу
Пудов на тыщу,
Девкам – лен,
Бабам – конопле,
Мужикам – рожь,
А мне – грош!

Если хозяева скупались на подношения – заварные калачи, булки, пряники, конфеты, пироги, блины, деньги – им угрожали:

– Кто не даст пирога –
Мы корову за рога,
Кто не даст кока –
Тому вылезет око.
Кто не даст пышку –
Того свинья за лодыжку.

Иногда новогоднее посевание совмещалось с *ряженьем*, но чаще всего рядились в течение всех святок. Наряжались, в основном, молодежь и взрослое население деревни. Из года в год это были, как правило, одни и те же лица, наиболее общительные, веселые – «любители» ряженья. Существовало *несколько видов ряженья*: зооморфное, антропоморфное, «нечистая сила», «покойники».

Зооморфный вид ряженья был представлен следующими животными: конь, собака, медведь, свинья, журавль, гусь, баран, лиса, волк, заяц. Надетые медвежьи, овечьи, собачьи, волчьи, лисьи шкуры (или вывернутые тулупы)

«превращали» человека в соответствующих животных. Ряженье медведем особенно широко было распространено в северных районах, в среде крестьянства наиболее полно сохранился *обряд хождения с «конем»*. От одного до пяти человек (в разных селах по-разному) накрывались лошадиной кожей, холстяным пологом или белой простыней. На палку прикрепляли сделанную из тряпок и набитую соломой конскую голову (вместо ушей – ухват или палочки, борода из льна), надевали хомут, прикрепляли к «голове» колокольчики и цветные ленты, рисовали сажей глаза и рот, пришивали хвост из конского волоса. Один или двое парней являлись «седоками». «Жеребец» ржал, подпрыгивал, высоко задирая ноги, раскланивался. Иногда «коня» водил «хозяин», который разыгрывал с ним смешные сценки, заставляя «коня» плясать, а зрителей кормить «проголодавшееся» животное, приглашая смельчаков прокатиться на «лошадке».

Антропоморфное ряженье было также разнообразным. Наиболее популярными были костюмы старика (горбуна) и старухи (нищенки), а также цыган, что соответствовало духу попрошайничества, выпрашивания милостыни. Одета в несколько юбок и цветастый платок «цыганка» брала в руки «кукленьша» и просила для него «молочка». Наряжались также татарками, казашками, барынями. Повсеместно было распространено *явление травестизма* – переодевание мужчин женщинами и наоборот.

Преобразование в «нечистую силу» достигалось надеванием на лицо личин (харь) из бересты (картона, бумаги, тыквы) с прорезями для глаз, носа и рта (или просто нарисованными сажей), а также – ряженьем в вывернутые шубы, тулупы, шкуры, шапки, тряпье, нарезанную бумагу. В начале XX века все чаще маски покупали в магазине. Приделывали картофельные или брюквенные зубы, надевали корчаги на голову, вымазывались сажей. «Черти» мастерили себе на голову вязаную шапочку с «рогами», набитыми соломой, одевали все черное, прикрепляли сзади хвост.

Еще один важный момент ряженья – *игра в «покойника»*, вариантов которой было несколько. «Покойником» мог быть один человек, одетый в белое или

завернутый в простыню. Мертвеца могли изображать два человека, один из которых запрокидывал голову назад, а другой вытягивал руки вперед. Зашедший в избу «покойник» говорил, что «пришел с того света» и рассказывал, «как там живется».

Крестьяне называли ряженных «шуликинами» («шиликунами»), «маскированными», «нарядчиками», «обрядовыми», «наряжонками», «чудушками», «слушальниками», а рядиться – значит «машкароваться», «машкарадить», «чудить», «диканиться» (обращаться в дичь, зверей). «Чудушки» ходили по улицам с гармониками, балалайками, ухватами, сковородниками, бубнами, метлами, заслонками, ведрами, толкушками, тазиками, чашками, поварешками, железяками, клюками, погремушками, палками, корзинами (для сбора «дани»). Этим стучали, бренчали, играли. Детей, а иногда и взрослых, били кнутом и ставили в снег головой, ловили в рыболовные сети.

Очень распространенным развлечением на Святки было *катание на лошадях и с гор*, которые устраивались к этим праздникам. Под горки-«катушки» приспособляли естественные скаты к реке или делали специально деревянные настилы с высоты около двух метров. В каждой семье для катания имелись санки, лыжи, бычьи и овечьи шкуры. Катались и на «глызах» (у казаков так называли подмороженный коровий навоз) и на санях-дровнях.

В период новолетья в каждой семье хотели знать, что их ждет в наступающем году, в этом могла помочь ворожба (гадание). Гадали в основном девушки, но иногда и парни не отказывались принять участие в ворожбе, хотя это считалось делом грешным и опасным. Чтобы «привлечь» «нечистые» силы к предсказанию судьбы, гадающие снимали с себя нательные кресты и пояса, развязывали узлы на одежде, девушки распускали волосы, оставаясь в одних рубашках. Для предохранения очерчивали вокруг себя круг кочергой, мелом, огарком свечи, протягивали нить к другим участникам гадания, держали наготове платок, чтобы закинуть им зеркало.

Для ворожбы выбирали *места, где, по поверьям, обитала «нечистая сила»* – баню, овин, хлев, подпол, заброшенные дома. Ворожили на границе между «своим» и «чужим» миром – около печи, на пороге, возле забора, угла дома, возле ворот, на перекрестках дорог, около проруби и т.д.

Гадать можно было в течение всех святочных вечеров, но наиболее достоверными считались гадания, произведенные *в ночь на Рождество, Новый год, Крещение.*

1. Наиболее распространенными были гадания, *цель которых – узнать направление выхода замуж (женитьбы):* с пимом (чирком, сапогом), который девушка (реже – парень) бросали с ноги через ворота; с бастриком (жердью), который ставили на перекрестки (росстани) и смотрели, в какую сторону упадет.

2. Другая цель – *узнать, выйдешь в этом году замуж (женишься) или нет, какова будет судьба.* Для этого захватывали колья забора (венцы амбара, охалку дров) и считали, четное или нечетное количество («чет» – в паре жить, «нечет» – одному). По вылитому в холодной воде белку, свинцу, воску судили в целом о судьбе: береза – к одиночеству, церковь – к венцу, кучки и крестики – к смерти. О судьбе также узнавали по услышанному на перекрестках, дорогах, где необходимо было начертить круг лучинкой из двенадцати огарков: звон колокольцев, топот копыт – к скорому замужеству, стук топора – к смерти, лай собак – к собачьей жизни.

3. Еще одна цель – *узнать, сколько человек будет в семье, куда девушка выйдет замуж или сколько у нее будет детей.* Глядели в зеркало на месяц – сколько месяцев отразится, зажигали перед иконой свечу – сколько будет отблесков, вытаскивали из поленницы полено – сколько сучков.

4. Следующая цель – *узнать основные характерные черты будущего супруга.* Цвет волос жениха определяли по цвету шерсти овец, пойманных в овчарне или по волоскам, оказавшимся на гребешке после новогодней ночи. Имя жениха (невесты) узнавали, спрашивая имя у первого мужчины, встреченного в новогоднюю ночь. Внешний вид будущего мужа также определяли по полену (без

сучков – красивый, с сучками – корявый от оспин). Материальное положение, занятия, отчасти характер будущего супруга определяли по поведению домашних животных (курицы, петуха),

5. Заветная мечта *увидеть образ суженого* достигалась двумя основными способами – через сновидение и при гадании с зеркалом. Гадание вещими снами было наиболее популярным и повсеместным. Перед сном выпивали соленой воды. Наибольшую достоверность гаданию придавала «молчаная» вода, принесенная девушкой молча из колодца или проруби во рту или ведре. На кружку с «молчаной» водой клали лучинки в виде сруба колодца и ставили под кровать к изголовью: «во сне жених приведет коня поить», при этом говорили: «Суженый-ряженный, приди ко мне наряженный, лошадей поить»

Самым страшным и потому наиболее правдивым считалось *гадание с зеркалом и «молчаной» водой*, так как здесь происходил непосредственный «контакт» с «нечистой» силой. К одним гаданьям относились серьезно, веря в их предсказание, к другим проявлялось ироничное отношение не столько со стороны девушек, сколько со стороны парней, которые уносили брошенные за ворота пимы, забирались в бани и овчарни, пугая девушек.

Во время святок молодежь устраивала *вечерки*, во время которых парни и девушки знакомились, ближе узнавали друг друга. Парни снимали у какой-нибудь одинокой старухи избу, кололи ей дрова, отпрашивали девок у отцов на гулянье. Святочные вечерки отличались наибольшим многообразием игр и форм художественного творчества, максимальным накалом праздничного веселья и ряженьем.

Ночью, особенно в ночь на Новый год, молодежь творила всякие бесчинства. Запирали двери с наружи или примораживали их так, что утром хозяева не могли выйти, разваливали поленницы дров, затыкали дымоходы, и весь дым шел внутрь дома, уносили со двора сани и оставляли их где-нибудь на улице. Утром то в одном, то в другом дворе слышались крики и брань, взрослые бегали-искали свои

вещи по деревне, а заодно и выясняли, кто не ночевал дома и соответственно «натворил делов». Но очень-то за это не ругали, т.к. это была «традиция».

БОГОЯВЛЕНИЕ ГОСПОДНЕ, КРЕЩЕНИЕ (6 января/19 января). В Крещенский Сочельник с приговором «спаси и сохрани» или «крест-перекрест, чтобы колдун не влез» на окнах, дверях, на печи, матицах, столах, колодцах, в стайках (хлеву), воротах, около иконы, на посуде ставили огарком свечи (мелом, углем, глиной) кресты, иногда высекали топором, чтобы «худой дух не залез».

В день Крещения совершали крестный ход на реку или озеро к выдолбленной в виде креста проруби – «иордани». Иногда ее украшали маленькими сосенками, пихтами, вылепленными из снега часовенками. Святую воду набирали в сосуды и хранили дома, на божнице или в подполе, используя для лечения болезней людей и скота. Хозяин обходил свой двор, обрызгивая все хозяйственные постройки и скот. Хозяйка обрызгивала углы в избе и горницах. По поверьям, «свячена вода» могла стоять год и два, и «ничего ей не делалось, оставалась чистой, как слеза». В проруби в некоторых местностях считалось обязательным купание тех, кто наряжался «нечистью» на святки, а также прочих грешников и больных.

СЕМАНТИКА СВЯТОЧНОГО ЦИКЛА. В зимнем цикле календаря нашли свое отражение *наблюдения человека над «умирающей» природой*. Злые силы, по представлениям людей, в дни угасания солнца получали наибольшую власть над человеком и их обязательно надо было задобрить. В этом прослеживаются древние представления человека о бинарной структуре мира: «свое» (принадлежащее человеку, освоенное им культурное пространство) и «чужое» (нечеловеческое, звериное, принадлежащее богам, стихиям). На святки, в переломный момент годового цикла, когда *границы между «своим» и «чужим»* нарушались и создавалась картина дезорганизации, бесструктурности, ритуал должен был разрешить «конфликтную» ситуацию посредством *обмена определенными ценностями* между двумя мирами – миром живых и миром мертвых. Отсюда – большая роль в святочном цикле обрядов славления, колядования, ряжения с обязательным одариванием «гостей с того света» (а

ряженные в этот момент олицетворяли собой умерших предков). Об осознании дарений как откупа иным силам говорит факт названия этих дарений «жертвой», а невыполнение договорных обязательств влекло за собой наказание в виде «пакостей» ряженных и молодежи. Семантика обряда постепенно забылась (ему уже не придавалось серьезное значение), а форма осталась, трансформировавшись в развлечение молодежи.

В обычае ряженья отразились древнейшие тотемистические представления о продуцирующей способности животного. Облачением в шкуры, сажанием славельщиков на шубу, катанием на ритуальном коне достигалось приобщение к производящей силе животного, считавшегося родовым предком того или иного человеческого сообщества (отсюда костюмы медведя, барана, волка, коня, птиц и т.д.). *Смена представлений о родовом предке* (которым в более ранний период времени считалось животное, а затем человек) нашла отражение и в традиционном ряженьи: наряду с зооморфными персонажами в святочном маскараде появляются такие участники действия, как «старик» и «старуха», а также ряженные с вымазанными сажей лицами. По мнению некоторых ученых, вымазывание лица сажей – простейшее изображение предка, так как черный цвет – символ смерти. Посланцы «с того света», по древним представлениям, активно участвуют в жизни живых потомков, поэтому в отношении к ним прослеживалось две тенденции: страх, стремление изолировать себя от общения с ними и почитание, стремление поддержать связь. Обрядовые приношения умершим, составляющим вместе с живыми потомками единую сакральную общину, должны были показать, что о предках помнят и заботятся и, следовательно, ожидают соответствующей заботы «на том свете» и от них.

Отголоски магических обрядов сохранялись в действиях крестьян еще в первой трети нашего века. Магия основана на вере человека в свою способность воздействовать на природу. К *имитативной магии* или *продуцирующей* относятся вышеназванные обряды ряженья животными, стариками, покойниками, сажание колядовщиков на шкуры и порог, а также словесные формулы – заклятия урожая

и благополучия. Изобилие в первый день нового года должно было вызвать изобилие в течение всего наступающего года. Новогодняя обрядовая пища имела *свойство жертвоприношения*, т.е. дара божествам, духам с целью получения благ и предотвращения бед. По сохранившимся представлениям, пища как бы приобщала человека к производительным силам растений и животных.

В святочной обрядности прослеживаются элементы *апотропеической (обереговой) магии*: создание шумового эффекта ряжеными (с помощью гармошек, балалаек, бубнов, заслонов, ведер, ложек и т.д.), ношение ими обереговых предметов и действия с ними (топор, железка, метла, клюка, кнут и удары им подростков, опутывание рыболовной сетью), поступки самих ряженных (ставили головой в снег, запугивали окружающих, молчали, смеялись – молчание и смех как обереги), возжигание костров; очерчивание магического круга, произнесение религиозных формул, крестное знамение, обвязывание ниткой – действия во время гаданий; проставление крестов в Крещение. С апотропеической связана и *катартическая (очистительная) магия*: очистительные обряды купания в «иордани», окропления святой водой, окуривания ладаном, создание шума.

В целом, в святочном праздничном цикле переплелись различные представления и культы (солярный, аграрный, тотемистический, культ предков, эротический, культ воды, природных стихий), которые проявлялись в различных типах магии (контактной, инициальной, парциальной, имитативной, апотропеической, катартической, вербальной). Часть религиозно-магических обрядов, утратив традиционное содержание, превратилась в игру.

3. Масленица

Одним из самых любимых народных праздников, который отмечался перед Великим постом и в православных святцах носил название сыропустной недели, был праздник «широкой», «разгульной» *Масленицы*. Он закрывал собой зимний праздничный цикл и открывал весенний. В северных районах в избах ставили елки, украшенные бумажными цветами, игрушками, ленточками, крестами.

Накануне масленичной недели, в *Родительскую субботу*, в каждой семье обязательно поминали умерших родителей и подавали соседкам-старушкам милостыню: блины, шаньги, яйца.

В воскресенье, которое называлось «мясной заговней», или в понедельник начинали строить горки («катушки», «катки»), которые были трех видов: 1) настил из досок под наклоном; 2) залитый водой берег реки; 3) на жерди клали солому (или замерзший навоз), сверху насыпали снег и заливали водой. Хорошие отцы делали для своих чад горки во дворе или около дома. Старшие заливали горки общие и катались с них люди всех возрастов, даже старики. Катались на дровнях, розвальнях, ряселках (дровни с загнутыми головками, оплетенные веревками), лодках. Молодежь каталась на рогожах, деревянных санках, полозья которых были окованы железом, лотках. С горок мальчишки могли прокатиться и на деревянных коньках, подкованных железом, а девочки - на лыжах, выструганных из сосны. Катались и на «глызах» – застывшем коровьем навозе, на донцах прялок, чтобы определить, у кого лен будет длиннее. На льду реки замораживали кол, на который надевали колесо с прикрепленным к нему шестом. К шесту привязывались санки. Колесо раскручивали 5–6 человек, катая таким образом по кругу других. На парня, который сватался к девушке и не высватал её, наваливались гурьбой его друзья и катились на нем с горки.

Перелом в масленичном гулянии приходился на четверг («*широкий четверток*»), когда, по словам старожил, «отвязывали Масленицу». Теперь на улицу выходили не только дети и молодежь, но и все взрослое население. В некоторых населенных пунктах устраивались соревнования в беге, в которых участвовали и молодые парни, и девушки, и взрослые мужчины с женщинами, и старики. У сибирских казаков это называлось «байгу пускать»: вывозили женщин за село и в шерстяных носках пускали бежать наперегонки обратно, победительница получала 3–4 аршина «мануфактуры» (фабричной ткани).

В Западной Сибири был широко распространен обычай лошадиных скачек, который у казаков Пресногорьковской и Иртышской линий называли «*байгой*», а

у крестьян – «бегунцами» или «беговами». Вероятно, название «байга» было заимствовано казаками у казахов, у которых конские бега и игры, называвшиеся «байга» имели широкое распространение по всей территории кочевания. Иногда казахи проводили «байгу» совместно с русскими. «Бегунцов» (так называли скакунов для бегов) выкармливали специально, для работы их не использовали. Бега у казаков устраивались в несколько этапов в зависимости от возраста участников. В среду «пускали байгу» мальчишки, которые ездили на стригунках «охлюпкой» (без седел), в четверг соревновались холостые парни, в пятницу – взрослые казаки. Выставлялось в забег от 5 до 10 лошадей. В качестве приза победитель (хозяин лошади) получал деньги, зерно или скот. Дистанция для скачек выбирались на 3, 5, 10, 15 км: как правило, от одного селения до другого. Финишем обычно служили снежные ворота, выстроенные на главной улице деревни, на которые ставили водку, конфеты, пряники или прикрепляли флаг.

Любимым масленичным развлечением всех возрастов являлось *катание на парах и тройках лошадей*. Самые зажиточные запрягали в кошевы по 6–7 лошадей. Крестьяне и казаки соревновались между собой в украшении лошадей и кошевок. В гривы лошадям вплетали разноцветные ленты (красные, зеленые, малиновые) и яркие бумажные цветы. На расписные дуги, обвитые лентами и полотенцами, подвешивали колокольцы, на шею и сбрую, обитую медными бляшками или пятаками, прикрепляли шаркунцы (бубенцы), а спину лошади покрывали нарядной попоной с кистями. В кошевки клали кошмы, ковры, одеяла, подушки в вышитых наволочках. В больших селах набиралось по 200 и более кошев.

Особым ритуалом было *катание на лошадях молодоженов*, поженившихся в прошедший мясоед. «Молодуха» надевала самые дорогие серьги, выставляя уши напоказ даже в самые сильные морозы. Молодой надевал самую красивую опояску. Свадьбы старались играть преимущественно перед масленичной неделей и Масленицу уже гуляли с «новой родней». «Молодого» мужики валяли в снегу, заставляя «откупиться», или скатывались на нем с горки.

Отношения на Масленицу *между полами были более свободными*, чем в обычные дни. Это проявлялось в уже упоминавшихся катаниях молодежи с гор и на лошадях с целованием и исполнением песен на любовные темы. Из-за девушек случались и традиционные *драки «край на край»*. Силу и ловкость отдельные мужчины и целые семьи могли продемонстрировать в борьбе. Молодые парни *лазили на облитый водой столб* высотой 7–8 м, на вершине которого привязывали балалайку, сапоги, пряники, мануфактуру и другие призы. Соревновались и в *перетягивании палки или веревки, поднимании деревянных колод и гирь*.

Обильной и разнообразной была *масленичная пища*. Основным масленичным лакомством являлись блины, которые потребляли с маслом, творогом и в непомерном количестве. Последний день Масленицы, воскресенье, назывался *«прощеным» днем*, «целовником». Повсюду устраивали «проводы» Масленицы, из дома в дом ходили ряженые. Широко распространенной в Западной Сибири была *игра «взятие снежного городка»*, который строился за селом, на перекрестках, иногда и в центре села. Из снега формировали своеобразные «кирпичи», из которых и выкладывали «город» – крепостную стену высотой в человеческий рост. Разбивались на 2 команды – защитников и нападающих. Если флаг нападающими был сорван или свален хотя бы один снежный камень, «город» считался взятым.

Одним из основных событий «прощеного» дня являлся *масленичный поезд*, который чаще всего состоял из одной дряхленькой лошаденки, запряженной в розвальни или бат (долбленную лодку). Лошади в гриву вплетали солому и всякие «ремки», ленточки, на ноги надевали пимы, чембары, мешки, старый шабур или шубу, на шею вешали ботало, мочало, по бокам привязывали березовые веники, на голову – старую шапку-ушанку, краской рисовали круги. На санях делался настил или ставилась телега, на которую усаживали одну или несколько пожилых женщин. Они были одеты в смешные лохмотья и чембары, в руках держали прялки. Иногда устанавливали целый ткацкий станок. Женщины пели протяжные песни и озорные частушки, пряли, ткали, а одна из них – «заметала метлой зиму».

На санях могли возить *соломенное чучело*, которое чаще всего изготавливали в виде женщины – в старом сарафане или юбке, изодранной кофтенке, поношенном платке, с волосами из кудели, которое в конце праздника раздирали, разбрасывая клочья по полю, или сжигали. *Масленичные костры* стремились поднять повыше, иногда пучки соломы обвязывали веревками, поджигали и верхом на лошади возили по селу. Бросая блины в костер, приговаривали:

– Масленица-сковородница,
Обманула нас –
Посадила на редьку да на квас.

В воскресенье вечером заканчивались масленичные гуляния, и люди, «*прощаясь*» перед Великим постом, ходили к родителям, старшим родственникам, крестным. Посидев за столом, вставали, кланялись в ноги и просили прощенья за все обиды, причиненные в течение года, целовались. Встречая знакомых на улице, просили прощенья и у них. Парни и девушки «*прощались*» на вечерках, после которых они не виделись в течение долгого времени, так как в пост веселиться и петь запрещалось.

В «*чистый*» *понедельник* с утра топили баню, стирали все белье, мылись сами. Обжигали в печи горшки, «сжигая жир и молоко». Татары и казахи ездили по деревням, собирая «*скоромную*» пищу, оставшуюся после праздника. На этом «*разудалая Масленка*» кончалась, а вместе с ней заканчивался зимний период праздничного календаря.

СЕМАНТИКА МАСЛЕНИЧНОГО ОБРЯДОВОГО ЦИКЛА. Масленичный цикл представлял собой достаточно сложное явление, в котором прослеживались напластования различных эпох. Здесь отчетливо выделялась группа обычаев и обрядов, связанных с культом предков. Новейшие исследования находят генетические корни Масленицы в мезолите, и даже верхнем палеолите. Некоторые ученые считают весь масленичный обрядовый цикл *реликтом ритуального отправления «на тот свет»*. К обычаям, ведущим свое происхождение от *состязаний на могиле покойного предка* можно отнести: 1)

конские скачки; 2) кулачные бои, драки «край на край»; 3) соревнование в беге; 4) перетягивание палки, веревки; 5) поднятие тяжестей. Состязательный характер носили и традиционные масленичные кулачные бои (борьба и драки «край на край»).

Ю.И. Семенов выводил масленичные обряды из *тотемико-оргиастических празднеств в период дуально-родовой организации общества*. Развитие охотничьего хозяйства, по его мнению, привело к тому, что на половые отношения и обильное потребление пищи во время охоты было наложено табу, поэтому это стало возможным лишь во время праздников, когда заканчивалась охота. «Ограничение, а затем полное запрещение во время праздников беспорядочных половых сношений не могло не сопровождаться появлением различного рода ритуальных действий, представлявших собой замену этих сношений и призванных оказывать такое же магическое влияние на природу» (Семенов Ю.И. Как возникло человечество. – М., 1966). В земледельческую эпоху эти обряды уже осмысливались как содействующие плодородию земли и плодородности скота. Похороны Масленицы и возжигание костров одни ученые связывали с чествованием тотемного животного (Ю.И. Семенов), другие – с солярным культом (В.Ф. Миллер, В.К. Соколова), третьи – с культом предков (М.Е. Шереметева), четвертые – с аграрным культом (А.В. Зернова, В.Я. Пропп). По мнению В.Я. Проппа, масленичное чучело олицетворяло растительные силы земли и уничтожалось с тем, чтобы возродиться в новых всходах на хлебных полях, чему должен был способствовать ритуальный смех, сопровождавший похороны Масленицы.

В конце XIX в. масленичный праздничный цикл представлял собой синкретичный комплекс, в котором нашли отражение как религиозные представления с пережитками тотемизма, солярного, эротического, аграрного культов, культа предков, огня, так и хозяйственные занятия крестьянства (охота, рыболовство, земледелие, скотоводство, прядение, ткачество). Здесь можно было проследить разные этапы социальной организации общества: род, соседская

община, патриархальная семья. Возможно, что состязательный характер многих масленичных действий, «издевательства над молодым», ряжение в шкуры в прошлом были обусловлены связью с обрядами инициаций юношей (ритуальные превращения – один из важных моментов инициации). Постепенно они трансформировались в обычаи, связанные с молодоженами. Основная функциональная направленность масленичного цикла – обеспечение плодородия, освобождения от всего старого, ненужного, нравственное очищение и создание новых семей. В конце XIX – начале XX вв. Масленица являлась праздничным увеселением, магические корни многих обрядов практически забылись.

4. Весенний цикл праздников

ВЕЛИКИЙ ПОСТ. Период семинедельного Великого поста был небогат праздниками, так как *веселиться, петь, потреблять скоромную пищу запрещалось*, хотя некоторые крестьяне считали так: «Что в уста кладешь – то не грех, а что из уст летит – это самый грех», то есть духовное воздержание (в данном случае от сквернословия) почиталось больше, нежели воздержание физическое. Главная цель поста – очищение и покаяние. В календаре выделялись отдельные дни, когда не работали, а лишь совершали определенные обрядовые действия, наблюдая за течением времени, происходящими переменами в природе. Это были своеобразные «праздники души». После проводов зимы на Масленицу, надо было достойно встретить весну. Эта встреча нашла отражение в нескольких календарных датах.

ДЕНЬ СВЯТЫХ СОРОКА МУЧЕНИКОВ, В СЕВАСТИЙСКОМ ОЗЕРЕ МУЧИВШИХСЯ или **СОРОКИ** (9 марта/22 марта). День назван в честь сорока мучеников, пострадавших за веру в IV в. в Севастии Армянской.

Этот день связывали с началом весны. Считалось, что с этого дня начинаются утренники (утренние морозы), которые продолжаются 40 дней, и в этот день прилетает *40 птиц* из теплых стран. Хозяйки с утра пораньше стряпали *печенье в форме птиц*, которых называли «жаворонками», «грачами», «сороками»,

«куликами». Маленькие ребяташки брали «жаворонков», клали их на столбы, бегали и кричали:

– Жаворонки!

Прилетите на нашу сторонку!

Зиму унесите!

Весну принесите!

СРЕДОКРЕСТЬЕ. Середина Великого поста приходилась на среду четвертой (Крестопоклонной) недели. В этот день, называемый Средокрестьем, пекли пресное печенье в форме крестов, которое ели сами, а также давали скотине.

Пища, потребляемая во время поста, не отличалась разнообразием (чтобы не отвлекать православных христиан от забот о душе и воспоминаний о мучениях Христа). Пищу готовили на растительном масле. Ели рыбу во всех видах – в ухе, жареную, в пирогах. Кашу варили на воде, а не на молоке. Чай заваривали из сушеных трав и пили с «помакушками» – толченой смородиной (или другими ягодами), смешанной с солодом и мукой, высушенной в печи на капустных листьях. Стряпали пирожки с сушеными ягодами, солеными груздями. В большом количестве потребляли квашеную капусту, соленые огурцы (а у казаков – и соленые арбузы), квас, овсяный кисель. В южных районах встречалось приготовление рыбного киселя. Приготовливали кулагу из ржаной муки, которую ели с хлебом. Дети любили «паренки» (кусочки брюквы, моркови, свеклы, репы, высушенные, а затем распаренные в печи). Особенно строгой в отношении пищи была последняя неделя поста, когда нельзя было есть даже рыбу. Молоко давали только самым маленьким детям, а у казаков не давали и им, говорили: «Молоко стгорело, на небо улетело».

БЛАГОВЕЩЕНИЕ. На период Великого поста чаще всего приходился и день Благовещения (25 марта/7 апреля). Благовещение – *это добрая, радостная весть*, которую возвестил Архангел Гавриил деве Марии о зачатии ею от Святого Духа Сына Божьего. Святой Иоанн Златоуст называл Благовещение первым

праздником и корнем праздников. Этот день, отмечаемый с IV в., является древнейшим праздником в честь Богородицы, особо почитаемой на Руси.

В Благовещение начинало по-настоящему греть солнце, и земля пробуждалась ото сна. «На Благовещение весна зиму поборола». Считалось, что в этот день «играет» солнце, а Господь благословляет все живое. Поэтому и «птица гнезда не вьет, девица косы не плетет». В этот день не работали и более благосклонно относились к девицам. Для них это был «разрешенный день», когда они могли залезть на крышу сенника и немного порадовать себя песнями, петь которые во время поста запрещалось.

ВХОД ГОСПОДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМ или **ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ** отмечалось в последнее перед Пасхой воскресенье в память о вступлении Христа в город, обрекший его на страдания, накануне своей смерти. Иисуса, въехавшего в Иерусалим на осле, народ радостно приветствовал как царя, бросая ему под ноги свежесрезанные пальмовые ветви. Вспоминая это событие, церковь видит в нем шествие Господа для принесения себя в жертву за грехи мира и приносит ему хвалу как победителю смерти. На Руси роль пальмовых ветвей выполняли ветви вербы, которой приписывалась *магическая растительная сила*.

Освященную вербу, украшенную бумажными цветками и ленточками, ставили в красный угол, втыкали в щели в пригонах для скота. В некоторых местах для вербочки мастерили соломенный домик, украшенный цветами и лентами, подвешивали его к потолку или ставили на стол. Взрослые ударяли детей вербой, приговаривая: «Верба – хлест, бей до слез, до красного яичка!», В деревнях *первый раз в поле выгоняли скотину именно освященной вербой*, оставляя ее затем у порога дома или в хлеву, чтобы скот возвращался домой.

Вербу хранили на божнице, в хлеву или у порога («для благополучия») в течение года, заменяя затем новой, а старую сжигали в печи или отправляли вниз по течению реки.

ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. Последняя предпасхальная неделя была наиболее строгой и наиболее насыщенной обрядами. Она называлась *Страстной седмицей*,

и каждый ее день назывался Великим по причине Великих воспоминаний, совершаемых церковью, о страстях Христовых. Это была неделя особо строгого воздержания и подготовки к Великому празднику.

Четверг Страстной недели носил название Великоденного, Великого, Страстного или Чистого четверга. В этот день сибиряки *заботились об очищении себя, своего скота и жилища*. Для этого хозяин три раза обходил скот по направлению движения солнца, окуривая его вереском, ладаном, богородской травой, метил его (подрезая уши и хвосты), кастрировал бычков, баранов, козлов. Крестьяне прыгали через зажженный в тазике вереск, окуривали жилище, обрызгивали его крещенской водой. Женщины прибирали в избе и подполье (гольбе), обмывали иконы. Мужчины наводили порядок во дворах, ходили в баню до восхода солнца, сжигали старую одежду и обувь. Крестьяне говорили, что *«всяка щепка ко Христову дню на ребро встает»* и к этому дню нельзя оставить ни одной грязной рубахи, так как *«ею смерть вытирается»*. *«До солнышка»* женщины нагие обметали все в избе, *«чтоб не было мух»*.

В хлев и подпол клали шанежки из последней муки для *«дедушки-суседушки»*. Предохранительное значение придавалось *золе*, выметенной из печи до восхода солнца. Её применяли при лечении скота, сыпали в лук, капусту и картофель при посадке (*«чтоб не ел червь»*), посыпали вдоль стен (*«для предохранения от блох, клопов, тараканов»*), для повышения урожайности закапывали по четырем углам огорода. Совершались продуцирующие обряды: до восхода солнца пересчитывались деньги, *«чтоб велись целый год»* (повсеместно). В амбарах перекладывали лопатой хлеб с этой же целью. Те, у кого были плохие волосы, с утра выходили во двор, клали их на столбик ворот и расчесывали. В этот день нельзя было никому ничего давать (*чтоб не допустить убыли в предстоящем году*).

Готовили *четверговую («четверишнюю») соль*: в ночь на четверг ее клали на божницу или ставили в печь. Она применялась при лечении скота и при поливе

капусты. Все обряды Великоденного четверга были направлены *на сохранение здоровья и благосостояния крестьянина в предстоящем хозяйственном году.*

СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ или ПАСХА – великий христианский праздник, «Велик день», «*Всем праздникам праздник*». Пасха обычно отмечается не ранее 22 марта/4 апреля и не позднее 25апреля/8 мая – в первое воскресенье после первого полнолуния по прошествии весеннего равноденствия. Название праздника произошло от ветхозаветной Пасхи, установленной в честь избавления евреев от египетского плена («песах» евр. – пощада). В христианстве Пасха приобрела иной смысл. Христиане празднуют Воскресение Христа – Пасху в третий день по распятии. В течение всей Пасхальной (Светлой) недели царские врата, северные и южные двери в алтаре не затворяются как символ того, что Господь своим воскресением *открыл нам врата Царства Божия.* Этот день – праздник победы над злом, жизни над смертью, которая рассматривается как «сон» в ожидании будущей жизни.

С праздником Пасхи связано было много традиций. Накануне, в субботу, *красили яйца, стряпали куличи («паски»), готовили сырны пасхи, жарили поросенка, гуся,* которых несли ко всенощной в церковь и там освящали. Сырны пасхи готовили из творога с изюмом, сметаной и яйцами в специальной расширенной кверху деревянной форме, с выдавленными по бокам и на дне крестиками, буквами «ХВ», ветвями и подсвечниками. Творог помещали под гнет и оставляли на сутки и более под матицей до готовности.

Непременным атрибутом Пасхи являлось *крашеное яйцо.* Чаще всего красили луковой шелухой, иногда использовали сушеные травы, кусочки тканей и покупные краски. Придя домой после всенощно, разговлялись в первую очередь крашеным яйцом, и делала это старшая в доме женщина, которая делила яйцо и кулич на всех членов семьи, чтобы каждому достался свой «кусочек счастья». Во время посевной освященные яйца крошили в семена, «чтобы был лучше урожай», катали по пашне при посеве льна, клали яйца в пригон, «чтобы скотина лучше велась» и крошили курам, «чтоб лучше неслись». С яйцом ходили

«христосоваться» к родственникам. Одно или три пасхальных яйца хранились на божнице до Троицы, когда с ними шли на кладбище. Считалось, что трехгодичное яйцо (как и трехгодичная верба) имеет большую силу. Яйца применяли для тушения пожара, особенно если пожар случился от молнии.

В пасхальную ночь православным христианам *спать воспрещалось*. Эта ночь считалась благоприятной для всякого рода магических действий. В эту ночь стерегли корм от колдунов (считалось, что, если колдун даст чужой корм своей скотине, то у него она будет поправляться, а у того, у кого взял, тошаты).

В пасхальное утро мамочки будили ребятишек и отправляли наблюдать «*игру солнца*», которое, по утверждению очевидцев, дрожало и подпрыгивало, «радуясь воскресению Христа». Примечали: ясное солнце – будут пожары. Пол в доме устилали сеном, так как мыть его было нельзя, поскольку считали, что на Пасху Иисус Христос спускается на землю и ходит по ней, поэтому неосторожными действиями можно навлечь на себя беду. Божницы украшали вышитыми рушниками, а в некоторых селах к ним подвешивали фонарики из ржаной соломы («паучков») с раскрашенной яичной скорлупой. С понедельника священник в сопровождении причта начинал ходить по домам селения, служа *молебны* и освящая семена пшеницы, овса, конопли, гороха, стоявшие в ведрах и ситах в цветном углу, а также молодую зелень, выросшую в ящичках. Пасху праздновали восемь дней. В Светлое Христово воскресенье отдыхали, тихо и спокойно проводя этот день в тесном семейном кругу. Не топили печь, так как «все должно отдыхать». Запрещалось петь, кричать, стучать. Нельзя было стукнуть противнем или разбить яйцо об стол, который почитался за «престол пресвятой Богородицы». Лишь с понедельника пасхальной недели начинали веселиться, ходить в гости, водить хороводы, качаться на качелях, играть.

КРАСНАЯ ГОРКА – воскресенье после Пасхи, «*радожное воскресенье*», перед Фоминой неделей. Этот день считался праздником молодежи, так как парни и девушки могли собраться после поста, попеть, поиграть, поводить хороводы на полянках, пригорках. Надевали свои сшитые за зиму наряды. Повсеместно были

распространены *игры с крашеными пасхальными яйцами*, в которых участвовали люди всех возрастов (дети играли отдельно от взрослых). Играли также в мяч, лапту, шухи (баталку, бабки), орлянку, шаровки, прятки, выжигу, копейку, клюшки, кошки-мышки, зайнюку, чикалки (чижик). Одним из самых любимых развлечений молодежи на Пасху было *катание на качелях и «каруселях»*. С пасхальной недели *начинали водить хороводы («круги»)*. Круговых песен было множество: «Посею лебеду на берегу», «Зайнюка, сорви цвет», «Хожу я, гуляю вдоль по хороводу», «Разлука, ты разлука, чужая сторона», «В хороводе были мы», «Шумела, гремела дубовая речка», «Заря, ты моя зоренька», «Вдоль да по реченьке», «Стой, мой бравый хоровод» и другие. Старушки ходили смотреть на молодежь, а мужская часть населения устраивала борьбу на опоясках.

РАДУНИЦА. Во вторник Фоминой недели, в Родительский день, который в народе именовали также Радунницей, рано утром в семье накрывался стол: ставили хлеб, чашки, ложки, клали блины, крашеные яйца, «панахиду» (кутью – рис с медом и ягодами), жаркое (жареное мясо). Тарелок ставили столько, сколько входило на стол, все это накрывали «насеяльником» (полотенцем, которым обычно накрывали сеяльницу) и оставляли до вечера. При этом приговаривали: «Со святыми упокой, Христе, души рабов твоих. Иди же несть не болезнь, не печаль, не воздыханье, а жизнь вековечную». После этого перечисляли всех умерших, таким образом приглашая их к столу.

Повсеместно ходили на могилки к умершим родителям. Крашеные яйца прокатывали три раза по могиле «крестом» с приговором «Христос воскрес», затем крошили яички на могилку, ели блины и куличи. На могильный крест вешали полотенца, чтобы снявшие их помянули усопшего. Блины, «панахиду» (кутью) раздавали старушкам и детям. Тех, кто плакал, уговаривали: «Не надо плакать, сегодня радостный день им, радунница, радость им».

ДЕНЬ СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА или **ЕГОРЬЕВ ДЕНЬ** (23 апреля/6 мая) отмечается в память о храбром римском офицере-христианине, жившем в Малой Азии в IV в. и прославившемся

мужеством, твердостью убеждений и творимыми чудесами. Святой великомученик Георгий Победоносец являлся небесным покровителем Москвы, великокняжеской семьи и русского воинства. Имя святого «Георгий» означало «земледелец», поэтому он считался покровителем земледелия и скотоводства.

В этот день запрещалось работать на коне. *С утра метили скот и выгоняли его первый раз в поле освященной вербой*, т.к. считалось, что «Егорий в этом случае скотину хранит, и волк ее не тронет («Егорий не даст»). Выгоняя скот на пастбище, хозяева проводили его через воротца, украшенные зелеными ветвями, заставляли его переступать через протянутую веревку, пояс, фартук, при этом приговаривая: «Суседушко-буканушко, паси мою коровушку, паси, не замори, домой вовремя приводи!». Пастуха повсеместно одаривали яйцами и шаньгами.

СЕМАНТИКА ВЕСЕННЕЙ ОБРЯДНОСТИ. Встреча весны составляла в древности целый обрядовый комплекс, который не был приурочен к определенному дню, а справлялся при наиболее очевидных признаках наступления весны. Стряпание «птиц» и имитация их прилета осуществлялись древними земледельцами *согласно магии подобия: ускорить прилет птиц и наступление весны*. В Западной Сибири этому должны были способствовать заклинательные формулы («зиму унесите, весну принесите») и действия с обрядовым печенем. Стряпание «крестов» на Средокрестье, связанное с солярной символикой, должно было придать *земледельцу силы перед пахотой и севом*. Подобную роль играло и хлестание освященной вербой, в котором явно проступают следы контагиозной магии: «передать живительные соки растения животным и людям, принести благополучие».

Разнообразие обрядов, которые совершались русскими в Великий четверг, заставляют предположить, что с этим днем совпадал прежний день Нового года. Самыми распространенными были обряды очистительного и предохранительного характера: мытье в бане до восхода солнца, умывание крещенской водой, обрызгивание и окуривание жилища.

Обереговое значение имело приготовление четверговой соли и золы.

Продуцирующее значение имели многие обряды Великого четверга, что подтверждает мысль об этом дне как начале года. Особое место на Пасху занимало окрашенное яйцо, символика которого была связана с древним мифом о мировом яйце, из которого было создано все живое. Яйцо осмыслялось как символ возрождения и обновления жизненной энергии, что и обусловило включение его в поминальные обряды и христианский пасхальный цикл. Магическая функция пробуждения земли ото сна и ее оплодотворения проступает в игре «катание яиц».

Таким образом, основной функциональной направленностью весенних праздников следует считать обеспечение быстреего расцвета природы, стимуляцию роста хлебов, сохранение здоровья земледельца и его скота, упрочение их сил в этот важный период сельскохозяйственных работ, а также усиление положительных эмоций с приходом теплого времени года.

5. Летние праздники и обряды

В конце мая – начале июня, когда становился длиннее день и прибывало тепло, отмечались праздники – своеобразные проводы весны и встреча лета с его ярким солнцем, разнотравьем, грозами. Крестьянину, завершившему сев и огородные посадки, необходимо было позаботиться о благополучном произрастании урожая, на что и были направлены совершаемые в праздники обрядовые действия.

ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ, приходившееся на сороковой день после Пасхи, отмечалось в память вознесения Христа на небо. Этот день люди проводили в роще, на берегу реки. Девушки устраивали похороны «кукушки» (куклы из травы), которую затем откапывали на Троицу с последующим проведением обряда кумления. В некоторых селах стряпали «лесенки» из теста как символ восхождения Христа на небо.

СЕМИК. На пятидесятый день после Пасхи отмечался праздник Троицы, а перед ней, в четверг – Семик ("Седмик", "Семерик"). В конце семицко-троицкой праздничной обрядности *большую роль играла растительность*. Березовыми,

пихтовыми, смородиновыми ветками, кукушкиными слезками, другими *цветами* украшали избу, затыкая их за иконы, наличники окон. Березки ставили к каждому окну и у крыльца. У ворот ставили столько березок, сколько было столбиков (чаще всего три, тем более, что это число ассоциировалось с Троицей. Пол устилали свежескошенной травой и три дня в доме не подметали, «чтоб не тревожить землю, воздух и воду», которые, по мнению крестьян, в это время были «именинницы».

Основным обрядовым действием Семика являлось *завивание березы и плетение венков*. Делалось это втайне от всех девушками 15–17 лет, хотя в некоторых деревнях ходили и девочки 12–13 лет. На отдельных березках девушки скручивали веточки колечком и завязывали цветным лоскутком или ленточкой, загадывая на себя, на своего дружка (если таковой имелся) и на всех членов семьи.

В семицкий четверг *поминали умерших неестественной смертью* – утопленников, удушенных, убитых и т.д. Это был единственный день в году, когда по «заложным» покойникам служили панихиду в церкви.

ТРОИЦА (ПЯТИДЕСЯТНИЦА) отмечалась на пятидесятый день после Пасхи в честь и *прославление Святой Троицы и в память сошествия Святого Духа на апостолов*. В этот день шли в лес всей деревней. Девушки (теперь уже вместе с парнями) сламывали венки и по ним гадали: если венок завял, то человек, на которого загадано, будет болеть (умрет, выйдет замуж), если не завял – все будет хорошо. Сломленные венки надевали на головы и отправлялись на реку или озеро, где их бросали с моста или лодки, иногда стоя спиной к воде. При этом гадали: «куда поплывет – туда и замуж, потонет – к беде». Если веночки парня и девушки плыли вместе, то и жить им было суждено вместе. К этим гаданиям относились серьезно, и рассказывали о случаях, когда бросавшие неудачно венки девушки впоследствии похоронили столько мужей, сколько утонуло венков.

В березовой роще, после спускания на воду венков устраивалась *общая трапеза девушек и парней*, а чаще всех жителей деревни. Здесь пили пиво, чай, ели стряпню, но главным угощением были вареные яйца (крашенные луковой шелухой, богородской травой и березовыми листьями) и *яичница*. Здесь устраивали хороводы, игры, пляски, пение под гармонь, катание яиц, катание на лодках по реке или озеру, разводили костры, через которые прыгали. Играли в «Кострому», «Оленя», «Золотые ворота», «Утицу», «Мак трясли». У казаков Иртышской линии девушки носили по улицам украшенную лентами, шарфами, бумажными цветами березку.

Троица, как и любой крупный праздник, не обходилась без поминовения предков. В Троицкую субботу после церковной службы устраивали поминки на кладбище («троицкие родители»). На могилки приносили крашенные яйца, «панахиду», булочки, блины, сыпали крупу. Милостыню давали детям, нищим и старушкам. Девушки вешали на могильные кресты венки.

В конце весны – начале лета крестьянину для получения хорошего урожая нужны были дожди. Поэтому чаще всего на Троицу (или незадолго до нее), *молили бога о дожде*. У многих крестьян были свои личные секреты вызова дождя: «вешали на талину вшей», мыли иконы, приговаривая: «Господи, дай дождичка!». Еще делали куклу Мокридушку, которую просили дать дождя. Сохранялось суеверное представление о том, что дождей, якобы, не было из-за того, что какой-то утопленник лежал кверху лицом и, если его закопать, пойдет дождь. Для вызова дождя старый сгнивший могильный крест спускали в реку, а в селениях сибирских казаков поливали могилы утопленников водой. Но самым действенным способом вызова дождя повсеместно являлся крестный ход.

Крестьяне соблюдали все обычаи, чтобы не было беды, поэтому в Троицу вечером из дома старались не выходить, *«чтобы не поймали русалки»*, т.к. по убеждению казаков, «Троица без утопленника не жила, ведь русалке надо утопленника, чтобы кататься на нем». Русалку представляли в образе обнаженной

женщины (иногда с рыбьим хвостом) и длинными черными (зелеными) волосами, которые она расчесывала гребнем.

На Троицу во многих селениях было принято заготавливать березовые веники. У казаков Соляного приготовленные в этот день веники ценились «на вес золота» и хранились в церкви, откуда их выдавал по определенным дням сам батюшка. Здесь же обязательно пили березовый сок, считавшийся целебным, а в воде, смешанной с березовым соком и отваром листьев березы, купали детей.

РОЖДЕСТВО ПРЕДТЕЧИ И КРЕСТИТЕЛЯ ГОСПОДНЯ ИОАННА или ИВАН КУПАЛА (24 июня/7 июля). Праздник в древности был приурочен к дню летнего солнцеворота. Праздник называли «Купалой», «Купателем», «Травником». С этого дня начинали *заготавливать березовые веники*, которыми парились на Купалу в бане (повсеместно). Парни и девушки обливали друг друга водой: «Пришел Купала – обливай, кого попало!» Праздник Ивана Купалы отмечался в большей степени в селах *со смешанным составом населения*, где преобладали выходцы из Белоруссии и Украины.

Ивановская ночь считалась *благоприятной для гаданий*. Девушки молча в одиночку бегали за хлебными колосками в поле, клали их за пазуху или в волосы: если по приходе домой обнаруживалось, что колосок распутившийся, то загаданное девушкой желание должно было сбыться. Перед сном клали цветы под голову: будущий жених должен был явиться во сне за букетом. Пока девушки гадали о будущем замужестве, парни искали *цветок папоротника*, легенда о котором гласила: «нашедший цветок приобретет колдовскую силу, сможет понимать язык зверей и птиц, найдет зарытые в земле сокровища». *Колдуны и ведьмы*, по народным представлениям, отнимали в купальскую ночь молоко у коров, поэтому крестьяне предпринимали меры защиты: наговаривали на воду и поили скот, клали на крынку с молоком нож, который лежал так всю купальскую ночь, на порог хлева бросали крапиву.

Всю ночь молодежь гуляла, парни и девушки жгли костры и прыгали через них, а утром шли встречать рассвет, веря, что солнце в Иванов день всходит красивее, чем в обычные дни.

ДЕНЬ СВЯТЫХ ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА или **ПЕТРОВ ДЕНЬ** (29 июня/12 июля) в просторечье называли «Петры и Павлы», «Петровки». «В Петровки день убывает, жара прибывает». Это был *конец Петровского поста*. Петров день считался началом сенокоса, поэтому с утра старшие члены семьи шли на покос, а младшие – за ягодами (земляникой, клубникой). До Петрова дня землянику есть запрещали. Собранные ягоды освящали в церкви.

ГРОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ. Июль – месяц гроз, жары, пожаров, поэтому не случайно, что именно в этом месяце отмечались так называемые «грозные» («притчеватые», «наказливые») праздники: Тихвинской иконы Божьей Матери (26 июня/9 июля), мучеников Космы и Дамиана (летние Кузьминки (1 июля/14 июля)), мучеников Кирика, Иулитты и князя Владимира («Кирики-Улиты» (15 июля/28 июля)), день пророка Илии (Ильин день (20 июля/2 августа)), день благотворных князей Бориса и Глеба (24 июля/4 августа)). Для всех этих праздников характерны запреты на работу, которая истолковывалась как непочитание названных святых, за что виновные бывали наказаны: сметанные стога сена сгорали или разметались ветром, люди натыкались на вилы или попадали под удар молнии и т.д. С Ильина дня повсеместно запрещали купаться, объясняя это тем, что «лось в воду нассал».

СЕМАНТИКА ЛЕТНЕГО ПРАЗДНИЧНО-ОБРЯДОВОГО ЦИКЛА. Многие ученые не сомневаются в аграрной направленности троицко-купальского праздничного цикла. Но эта точка зрения не бесспорна. Свидетельством *более древних, чем аграрные, представлений* является высказывание о том, что в Троицу «земля, воздух, вода – именинницы», что говорит об *отголосках культа природных стихий и матери-земли*. Земля, оплодотворенная водой, должна была

родить хороший урожай. Поэтому именно Троица притянула к себе наибольшее количество обрядов вызова дождя:

Основой троицко-семицких обрядов у русских было завивание березки и заплетание венков. *Обряды завивания березки и кумления девушек восходят к тотемистическим верованиям* – заключению союза с деревом-тотемом, а также к культу священных рощ, в которых совершались различные обрядовые действия. Кумление, как считает В.П. Соколова, являлось отголоском обряда инициации девушек, а в конце XIX – начале XX вв. оно воспринималось как посестримство, скреплявшее связи внутри девичьей половозрастной группы.

Таким образом, функции летнего праздничного цикла заключались не только в стимулировании роста, плодоношения растительности и сохранении урожая, но и в создании условий перехода девушек в новую половозрастную группу, благословление их на брак, передача могущественных сил расцветшей природы человеку (и девушкам, в первую очередь), предохранение крестьянина, его семьи и хозяйства от неблагоприятного воздействия природных стихий и вредительства нечисти.

6. Осенние праздники и обряды

СПАСЫ. Спасовки – первые две-три недели августа. Первый Спас (День происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня) – Медовый (1 августа/14 августа), второй Спас (Преображение Господне) – Яблочный (6 августа/19 августа), третий Спас (Успение Пресвятой Богородицы) – Спожинки (16 августа/29 августа). Это были праздники перехода к осени.

В первый Спас начинали убирать лен и первый раз пробовали свежий мед. «Первый Спас vareжки припас». Со второго Спаса жали коноплю и начинали есть яблоки, которые освящали в церкви. В третий Спас вырезали в огороде лук, заготавливали хмель. С этого дня начинали готовиться к зиме.

Осенние праздники и обряды были связаны *со сбором урожая. Основная цель зажиночных обрядов – обеспечить быстрый, без потерь сбор хлеба.* К первому

снопу относились с почтением. Его украшение и освящение в церкви служили, в представлениях крестьян, залогом помощи в уборке духа поля – полевика и христианских святых. Первый сноп, украшенный лентами, освящали в церкви и оставляли дома под навесом.

Особые обряды были связаны с окончанием жатвы. На краю поля оставляли несжатыми колосья ржи, пшеницы, овса, ячменя, которые с различными наговорами связывали в пучок – оставляли Илье или Миколе «на бородку». Справляя отжинки (обжинки), пекли хлеб и каральки из новой муки, варили мясо.

Жатвенные обряды связаны с древним *представлением о плодоносящей силе земли*, а позднее с верой в духа поля, прячущегося в последний несжатый пучок колосьев льна, овса, ржи, пшеницы. Растительные силы возвращались земле и должны были передаться будущему урожаю.

ПОКРОВ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ (1 октября/14 октября). Основой для установления праздника послужило *чудесное явление Божией Матери* во Влахернском храме Константинополя, *простиравшей свой покров* (головное покрывало – омофор, или мафорий) над молящимися.

День Покрова знаменовал *переход от лета к зиме*. «На Покров до обеда осень, а после обеда – зима». По народным приметам, с этого дня наступают холода, часто выпадает первый снег. Для молодежи покровское гуляние было последним игрищем в году. «Покров – конец хороводам, начало посиделкам». С этого дня *начинали играть свадьбы*. «Батюшка Покров, покрой землю снежком, а меня, молодую, женишком», – просили девушки, выходя на улицу. В селах, где Покров являлся съезжим праздником, устраивались ярмарки, собирались родственники из соседних деревень. После церковного богослужения в домах устраивалось обильное застолье. Сельскохозяйственный год был завершен, урожай собран, и крестьяне возносили за это благодарение Богу. *Покровское застолье – отголосок языческих жертвоприношений за удачно прожитый год*, поэтому на столе обязательно присутствовали блюда из поросенка или петуха, древнейших жертвенных животных.

ПРАЗДНИК КАЗАНСКОЙ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ (22 октября/4 ноября) был установлен в 1649 г. в *благодарность за избавление Москвы* и всей России от нашествия поляков в 1612 г., в период Смутного времени. Зимняя (осенняя) Казанская была важной датой в крестьянском календаре. К этому дню *возвращались в свои села с отхожих промыслов мужики-кормильцы* и дома их встречали обильным застольем с жареным мясом, ватрушками, пирогами. «С Казанской мороз невелик, да стоять не велит». Казанская считалась «бабьей заступницей», поэтому и свадьбы, сыгранные в это день, обеспечивали счастливый брак.

ДЕНЬ ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ДИМИТРИЯ (ДМИТРИЕВ ДЕНЬ) (26 октября/8 ноября) отмечается в память о святом великомученике Димитрии Солунском, жившем в IV в. в греческом городе Солунь (Фессалоники). В церкви в этот день служитя поминальный молебен по всем убиенным русским воинам, а дома всех умерших родственников поминают кутьей, киселем, пивом, блинами и пирогами, подают «милостыньку» старушкам. В устраиваемых поминках просматриваются отголоски языческих тризн, отличавшихся обильным угощением и отражавших древние представления человека о том, что чем щедрее угощение, тем больше радуется душа усопшего на «том свете» и тем лучше заботиться о своих живых потомках.

ДЕНЬ СВЯТЫХ БЕССРЕБРЕНИКОВ КОСМЫ И ДАМИАНА (1 ноября/14 ноября) называли на Руси «Кузьмой и Демьяном», «кузьминками». «Кузьминки – встреча зимы», «Кузьма-Демьян – кузнец кует лед на земле и на водах». Косму и Дамиана почитали как *покровителей кузнецов*: по поверьям, они изготавливали плуги и раздавали их для обработки земли. Но не только железные цепи, но и *брачные узы*, связывающие молодых, ковали святые бессребреники. Поэтому они покровительствовали свадьбам и браку, и в некоторых местностях на Кузьминки девушки на выданье устраивали девичий праздник: сварив козьмодемьянское пиво, приглашали в гости парней. В простонародье Косма и Дамиан почитались также и как хранители кур, отчего крестьяне называли день памяти этих святых

«курьими именинами»: кур закармливали лучшим зерном и обязательно готовили блюдо из куриного мяса.

СОБОР АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА и прочих Небесных сил бесплотных в народе называли Михайловым днем (8 ноября/21 ноября). Михайлов день был веселым и сытным праздником. В церквях, посвященных Архангелу Михаилу, служили торжественную службу, а затем съехавшиеся из ближних и дальних деревень гости ходили по родственникам из дома в дом, бурно отмечая праздник на деньги от проданных овса и конопли. Гостей чаще всего приглашали к себе Михаилы, которые отмечали в этот день именины. Широкое распространение этот праздник имел в Европейской России, в Сибири больше выполнял роль пограничной календарной даты, так как «С Михайлова дня зима морозы кует».

Годовой цикл праздников и обрядов на этом заканчивался. Зима являлась завершением и началом нового круговорота жизни природы.

7. Региональные и локальные особенности календарных праздников

Анализ праздников и обрядов русских Среднего Прииртышья показал общность многих обрядовых действий в общерусском масштабе и множество локальных различий. Сравнение обрядности с другими регионами России показало, что русские календарные праздники Среднего Прииртышья относятся к смешанному типу праздников, который близок к среднерусскому и проявляет вариативность севернорусского и южнорусского типов, частично включая украинские и белорусские праздничные элементы.

Локальные особенности прослеживаются:

- 1) в старожильческих селах,
- 2) в переселенческих населенных пунктах, в которых выделяются вятская, рязанская, орловская, тульская, тамбовская, воронежская традиции,
- 3) в селах со смешанным составом населения,
- 4) в старообрядческих селах,
- 5) в поселениях сибирского казачьего войска.

В праздниках русских старожилов находится больше всего параллелей с Русским Севером, что подтверждает «северное» происхождение первых переселенцев в Сибирь. В поздних переселенческих селах достаточно хорошо сохранились праздничные традиции мест выхода (в основном, южнорусские). В отличие от сибиряков, у которых законсервировались архаичные обряды, для поздних переселенцев – южных россиян, украинцев и белорусов – характерны последовательность претворения религиозных норм в жизнь, лучшее знание идеологического обоснования праздника, более яркая его эстетическая и вербальная сторона. В праздниках казаков и крестьян существовали различия, связанные с военным характером казачьей службы, большей образованностью и зажиточностью казачества, его тяготением к городской культуре и православной церкви, привилегированным положением в обществе.

Особенные черты календарных праздников русских данного региона, которые проявлялись в масленичных, четверговых, пасхальных, николевских и некоторых других обрядах, были обусловлены особенностями заселения, природно-географической средой, социально-экономическими условиями и этнокультурными контактами с украинцами и белорусами, а также – с тюркскими (казахами, татарами) и финноугорскими народами.

Рекомендованная литература

Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: этнографические очерки. – Л., 1990. – 166 с.

Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. – Томск, 1995. – 224 с.

Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья. Вторая половина XIX – начало XX в. – Новосибирск, 1978. – 160 с.

Бузин В.С. Этнография русских : учеб. пособие. – Спб., 2009. – 421 с.

Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М., 1978. – 239 с.

Городцов П.А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // ЕТГМ. – 1916. – Вып. 16. – С. 1–65.

Громыко М.М. Мир русской деревни. – М., 1991. – 446 с.

Еремина В.И. Ритуал и фольклор. – Л., 1991. – 208 с.

Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. – М., 1985. – 336 с.

Забьлин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – М., 1880. – 607 с.

Золотова Т.Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). – Омск, 2002. – 234 с.; илл.

Золотова Т.Н. Сгинь, нечистая сила! Как защищались от «злых сил» сибирские старожилы // Родина. – 2003. – № 2. – С. 74–77.

Золотова Т.Н. Традиционный календарный праздник в культуре России XX – начала XXI века // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 1(23). – С. 493–504.

Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. – М., 1996. – С. 170–197.

Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX века. – Новосибирск, 2004. – 240 с.

Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении : Восточная Сибирь. Енисейская губерния. – СПб., 1913. – 292 с.

Мельников М.Н. Русский детский фольклор Сибири. – Новосибирск, 1970. – 218 с.

Миненко Н.А. Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск, 1989. – 160 с.

Народные песни Прииртышья / сост. Т.Г. Леонова. – Новосибирск, 1969. – 167 с.

Очерки русской народной культуры / отв. ред. и сост. И.В. Власова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М., 2009. – 787 с.

Пропи В.Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. – Л., 1963. – 143 с.

Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. – М., 2005. – 828 с.

Русские (Этносоциологические очерки). – М., 1992. – 464 с.

Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры. Т. 13: Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1997. – 605 с.

Русский народный праздник: Научно-методическое пособие для работников культуры и образования. – Омск, 2005. – 284 с.; илл.

Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия / авт. О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. – СПб., 2001. – 672 с.; илл.

Скрябина Л.А. Русские Притомья: историко-этнографические очерки (XVII – начало XX вв.). – Кемерово, 1997. – 129 с.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995. – 416 с.

Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX вв. Очерки истории и быта. – Омск, 2003. – 423 с.

Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX–XX вв.). – Новосибирск, 2002. – Ч. I : Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. – 286 с.

Фурсова Е. Ф. Календарные обряды. – Новосибирск, 2003. – Ч. 2 : Обычаи и обряды летне-осеннего периода. – 267 с.